

Наибольший интерес читатели корпоративных изданий проявляют к информации о делах и проблемах предприятий, о новых товарах, услугах и тарифах, а также к материалам о жизни территории, местного сообщества, где работает данная компания. Материалы по этой тематике привлекают внимание 39–42% читателей КСМИ. Одновременно замечен интерес и к "непрофильным" разделам изданий — частным объявлениям, телепрограмме, материалам о культуре, спорте, развлечениях, а также о событиях в стране и в мире в целом (26–31%, рис. 6).

Рисунок 6.

"Какие материалы в корпоративных изданиях вызывают интерес лично у Вас?" (среди пользователей КСМИ), %

Так или иначе, сегодня можно констатировать, что у корпоративных изданий в России есть будущее и потенциал для дальнейшего развития. Тем более, что российский бизнес действительно нуждается в формировании эффективных и востребованных изданий, способных развивать его корпоративную культуру и позитивный имидж, быть действенным инструментом управления и коммуникаций.

The process of transformation of a traditional factory newspaper into various channels of corporate information dissemination among employees.

О. А. Оберемко ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫХ РАЗЛИЧИЯХ У ПОЛЯКОВ И РОССИЯН

Ослабление социально-классовой солидарности и влияния классовых идеологий, поддерживающих антагонистическую картину мира, было зафиксировано в исследованиях "новых социальных движений" более четверти века назад. Новые солидарности отчетливо ориентируются скорее не идеологически, а прагматически, а преследуемые ими цели лучше описываются в терминах гражданского, не-

ОБЕРЕМКО Олег Алексеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

жели политического измерения [1]. Однако некоторые авторы утверждают, что "исчезновение классов", потеря ими идентичности — не более чем временный "кризис репрезентативных форм и определенных практик классовой борьбы" [2].

Согласно опросам населения России и Польши, классовая разметка социального пространства уступала стратификационной, профессиональной и корпоративной идентификации (табл. 1). Отданный в обеих странах приоритет идентификации по достатку, в которой отражается представление об общественных неравенствах как о непрерывном континууме [3], свидетельствует о легитимации экономической разметки социального пространства и является показателем усвоения населением индивидуалистически-материалистических ценностей рыночного общества. Идентификация с "людьми того же достатка" свидетельствует о развитии экономического мышления, поскольку готовность выделять из общества равных себе по благосостоянию предполагает навыки социальной категоризации на основе количественных сравнений.

Если "исчезновение классов" связывают с "концом "больших" идеологий", то профессиональные и корпоративные идентичности не только никуда не исчезли, но оказались в числе наиболее популярных. Эту популярность нельзя объяснить только тем, что на смену одной "большой" пришли "малые" корпоративные идеологии под вывеской организационной культуры. В российской выборке было 49% постоянно занятых, в польской — 42%, а выбравших позитивную идентификацию (часто + иногда) с профессией и коллегами по работе оказалось существенно (в 1,7–1,9 раза) больше.

В статье на материале проведенных в 2002 г. массовых опросов в России и Польше¹ исследуются соотношения между тремя видами показателей: представлениями об объективном месте в социальной структуре (самоописаниями с точки зрения стороннего наблюдателя)²; субъективными ощущениями близости к социальным категориям (Мы-самоопределениями)³ и субъективными Я-самоопределениями⁴. Содержательно субъективные самоидентификации подразделялись на социально-классовые (наемные работники и предприниматели), стратификационные (бедные, того же достатка) и корпоративные (коллеги, работники предприятия).

Таблица 1.
Социально-структурные идентификации в России и Польше, %

Ощущали общность с	Россия			Польша		
	Часто	Иногда	Никогда	Часто	Иногда	Никогда
людьми того же достатка	79,7	16,3	1,1	54,3	36,3	2,2
людьми той же профессии	64,0	22,9	5,8	41,0	35,5	11,6
товарищами по работе	61,1	20,9	7,8	42,2	29,7	12,2
бедными	41,3	37,7	13,1	36,0	45,4	8,0
наемными работниками	38,1	28,6	16,2	20,1	40,7	20,5
имеющими собственный бизнес	30,1	35,5	22,8	9,2	29,7	42,4

¹ Дизайн исследования разрабатывался под руководством В.А. Ядова, Е.Н.Даниловой и К.Косэла. Подробно см. [4].

² Ответы на вопрос об основном занятии со стандартными закрытиями: работаю по найму, занимаюсь предпринимательством, пенсионер, учащийся, безработный и т.д.

³ Ответы "часто", "иногда", "никогда", "затрудняюсь ответить" на вопрос о субъективной близости к различным социальным категориями: наемными работниками, предпринимателями и т.п.

⁴ Выбранные из набора 40 карточек тех категорий, которые лично подходили респондентам.

В переходном обществе происходит "резкое усиление индивидуализации личных судеб, ослабление их зависимости от принадлежности ... к большим социально-профессиональным формализованным группам". В таком обществе "проблема коллективной идентичности не может быть сведена к набору статистических данных о доходах, профессиональных и тому подобных характеристиках ... и центральным моментом идентичности ... класса следует полагать характеризующий индивидов [определенной] группы комплекс представлений о социальной реальности и их месте в ней — представлений, регулирующих их жизненную активность и специфичной именно для данной страты, в той или иной степени отличающей ее от остальных слоев общества" [5].

Одновременно в эпоху индивидуализации парадоксальным образом повышается роль групповой категоризации, поскольку "независимый индивид" более обезличен, чем человек, представляющий какую-то группу. В составе группы... его позиция определяется более конкретно в отношении к представителям других групп (классов, слоев). Он не просто удовлетворяет потребности, но воспроизводит границы, по отношению к которым происходит его идентификация. И когда мы от абстрактного индивида переходим к исследованию типологических групповых характеристик экономического действия, выясняется, что эти группы разными способами преследуют разные цели, являя неодинаковую степень "рациональности" [6, с. 223].

Из сказанного следует, что кристаллизовавшиеся в доперестроечном контексте "объективные" социальные статусы в условиях трансформаций перестают привычным образом детерминировать определение индивидом собственного места в терминах социальных общностей. Ареалы распространения некогда сложившихся представлений о социальной структуре и о собственном месте в ней меняются, а значит, меняются и шансы на воспроизводство межгрупповых (межклассовых) границ. Для стороннего наблюдателя (например, структурного функционалиста) это выглядит как рассогласование между объективно занимаемыми и субъективно определяемыми статусными позициями.

Данные российского опроса все же показали, что объективный статус занятости влияет на самоотнесение к социально-классовым группам. В частности, предприниматели статистически значимо отличались своими идентификационными предпочтениями от наемных работников и продемонстрировали большую согласованность идентификаций со своим объективным статусом (табл. 2): три четверти предпринимателей устойчиво идентифицировались со своей группой.

Однако заметны и значительные рассогласования. Так, с наемными работниками "часто ощущали близость" четверть частных предпринимателей и неработающих россиян (от 22 до 36%). В то же время примерно 13% работников никогда не испытывали близости с наемным трудом, а треть отметили устойчивую идентификацию с частными предпринимателями. Какую-то долю рассогласований можно объяснить классовой идентификацией респондентов с другими членами семьи.

У учащихся неясность будущих профессиональных траекторий сочетается с оптимизмом, который выражается в активной ориентации на участие в сулящей жизненный успех "новой экономике" и более активном выборе бизнес-сообщества в качестве референтной группы.

Идентификация пенсионеров с миром труда обращена в прошлое и свидетельствует о том, что с уходом из активной трудовой деятельности полное замыкание

Таблица 2.

Классовая идентификация россиян разных категорий занятости, %

Категории занятости* (объективный статус)	Устойчивая идентификация с	
	наемными работниками	предпринимателями
<i>Занятые</i>		
Частные предприниматели (n = 55)	25,5**	76,4**
Работники по найму (контракту) (n = 717)	49,0**	34,3**
<i>Незанятые</i>		
Учащиеся (n = 51)	21,6	51,0
Безработные (n = 155)	35,5	34,8
Домохозяйки (n = 77)	31,2	31,2
Пенсионеры (n = 522)	28,5	14,9
Все	38,1	30,1

* Ответы на закрытый вопрос: "Какое Ваше основное занятие?". Данные по Польше не приводятся ввиду несопоставимости паспортичек.

** Разница по χ^2 значима при $p \leq 0,001$. Суммы по строкам не обязательно равны 100%, поскольку выборы не являлись альтернативными.

на приватную жизнь происходит не у всех пенсионеров или, по крайней мере, не сразу.

Конечно, разговор о рассогласовании (или даже о маргинальности) предполагает допущение существования нормы. Эти допущения могут проявляться либо в оперировании нормативными идеологическими конструкциями, нагруженными ценностными установками, либо в ценностно нейтральном конструировании "объективно" нормативных ранговых шкал [7], либо в апеллировании к нормативным ожиданиям индивидов [8] и/или их социального окружения [9]. Применительно к трансформирующимся обществам несоответствие мировоззрения объективному статусу может объясняться простым отрицанием причинно-следственной связи между структурными позициями классов и их групповым сознанием, а также "краткосрочной" ментальностью [10], ситуативностью и гибкостью идентификаций — всем тем, что может способствовать адаптации к переменам и шире использовать жизненные шансы [11]. Именно такое объяснение выглядит правдоподобным для одинаковой готовности безработных идентифицироваться и с миром наемного труда, и с миром бизнеса.

Отмеченные случаи несогласованности среди занятых позволяют выдвинуть гипотезу о том, что, если процесс становления классового самосознания и имеет место, то на момент опроса он не сопровождался интенсивным выстраиванием межгрупповых барьеров, которое бы приводило к формированию антагонистической картины мира. Если в использовавшейся в опросе шкале выделить область позитивной — варианты "часто" и "иногда" — и непозитивной — варианты "никогда" и "затрудняюсь ответить" — идентификации, то в зависимости от идентификационных выборов наемных работников и бизнесменов можно разбить на 4 группы:

- 1) не видели межгрупповых барьеров между наемными работниками и бизнесом — оба позитивных выбора;
- 2) выстраивали межгрупповой барьер с позиции бизнеса — позитивная идентификация только с бизнесом и отсутствие общности с наемными работниками;
- 3) выстраивали межгрупповой барьер с позиции наемного труда — позитивная идентификация только с наемными работниками и отсутствие общности с бизнесом;
- 4) продемонстрировали отсутствие классового самосознания — оба непозитивных выбора (табл. 3).

Таблица 3.

Распространенность классового самосознания среди наемных работников и предпринимателей (Россия), %

Типы самосознания	Наемные работники	Предприниматели
Без барьеров	60,6	54,5
Барьер с позиции бизнеса	14,8	32,7
Барьер с позиции наемного труда	14,8	5,4
Отсутствие классового самосознания	9,8	7,3

Среди представителей структурно противостоящих групп — наемных работников и предпринимателей — большинство выражали позитивную идентификацию (часто или иногда чувствовали близость) одновременно и со своей, и с противоположной группой.

Закрытой классовой позиции придерживались треть предпринимателей и примерно 15% наемных работников. Таким образом, антагонистическое мировоззрение с большим успехом могло формироваться скорее среди малочисленных слоев предпринимателей, нежели среди большинства занятых наемным трудом.

Курсивом в таблице 3 показаны доли тех, кто продемонстрировал *радикальное рассогласование* между объективным статусом и классовым самосознанием.

К бесконфликтной концептуализации современного российского общества, вопреки признанию его фактической поляризации, склоняются и некоторые исследователи. Так, Л.Н. Беляева, проектируя задачи переходного периода российского общества на следующие 10 лет, связывает с "укреплением централизованного управления" [12] завершение строительства и рыночной экономики, и *системы социального партнерства*. Теоретически релевантное обоснование выбора в пользу стратификационной (неантагонистической) концептуализации современного российского общества дает Т.И. Заславская, которая, принимая вывод об институализации антагонистического "раскола общества по линии социального отчуждения и эксплуатации", одновременно указывает на причину непрявленности классовой борьбы между низами и верхами: "Новые классы, за исключением элиты, не успели сформироваться, не обрели классового самосознания, не стали классами "для себя" [3].

Таким образом, *картина классового антагонизма массовым сознанием в российском обществе оказалась не востребованной*. Анализ польских данных выявил сходную картину.

Субъективные самоопределения в социально-структурных терминах и классовое самосознание

В целом, и в России, и в Польше бизнес-сообщество в идентификационном пространстве занимало периферийное положение. В обеих странах по сравнению со всеми другими общностями оно набрало минимальное (или близкое к нему) число голосов как объект устойчивой позитивной идентификации и максимальное (или близкое к нему) число — как объект определенной негативной идентификации (табл. 1). Тем не менее россияне охотнее (30%), чем поляки (9%) включали предпринимателей в "свой", понятный мир. Кроме того, в польском обществе была более распространена негативная идентификация с бизнес-сообществом: никогда не ощущали близости с ним более 40% опрошенных, в России — менее 25%.

Таким образом, *если видеть в идентификации индекс благоприятного отношения общества к предпринимательству, то в России он выше, чем в Польше*.

Как уже отмечалось, устойчивая идентификация с бизнесом и наемным трудом жестко не связана с "объективно" занимаемым местом в социальной структуре. Рассмотрим теперь, как представители различных субъективно определенных общностей располагают себя в пространстве классовой разметки.

Прежде всего обнаружилось, что некоторые самоопределения незначительно, но статистически значимо повышали или понижали шансы устойчивой идентификации с бизнес-сообществом, а некоторые — с наемным трудом (табл. 4)⁵.

Примечательно, что межстрановое сравнение не обнаружило никаких различий, которые можно было бы назвать принципиальными. Сходств оказалось гораздо больше. В обеих странах Мы-идентификация с бизнесом и общностями труда (коллегами по работе, по профессии и наемными работниками в целом), а также стратификационное самоопределение (люди того же достатка) положительно связаны с готовностью, если не разделять, то понимать интересы обеих социально-классовых групп, находящихся в структурной оппозиции. Исключение составляют лишь слои, которые склонны отождествлять свои интересы с интересами тех, кто испытывает нужду, живет в бедности; только они проявили солидарность с наемным трудом, не обнаружив при этом солидарности с классом предпринимателей. Таким образом, готовность считать мир материально депривированных людей "своим" намечает возможный классовый разлом.

Величины коэффициента Спирмена приведены только с уровнем значимости $p \leq 0,01$. При расчетах шкала Мы-идентификаций была преобразована в порядковую шкалу "часто — иногда — затрудняюсь ответить — никогда", что соответст-

Таблица 4.
Социально-классовая идентификация в России и Польше, r Спирмена

Идентификации	Россия	Польша	Россия	Польша
	Мы-идентификации			
	с бизнесменами		с наемными работниками	
<i>Мы-идентификации</i>				
с бизнесменами	1,000	1,000	0,293	0,159
с наемными работниками	0,293	0,159	1,000	1,000
с товарищами по работе	0,268	0,253	0,279	0,199
с представителями одной профессии	0,290	0,225	0,270	0,325
с людьми того же достатка	0,129	0,164	0,195	0,214
с постоянно нуждающимися			0,247	0,267
<i>Я-определения</i>				
предприниматель	0,159	0,260		
обеспеченный человек	0,181	0,130		
представитель интеллигенции	0,117	0,126		
студент / школьник	0,098			
представитель своей профессии	0,103	0,107	0,088	
работник предприятия	0,160		0,167	0,100
рабочий			0,096	0,102
безработный				0,090
Бедный	-0,196	-0,150		
крестьянин	0,096		0,065	
пенсионер	-0,267	0,160	0,117	

⁵ Конечно, абсолютные величины коэффициента корреляции ничтожны: нормальность и линейность распределений нарушается главным образом тем, что значительная часть респондентов, особенно российской выборки, выбирала вариант "часто". Нормирование распределений, естественно, дало бы более солидные показатели, что не отразилось бы на их порядке.

вует "устойчивой позитивной — ситуативной — неопределенной — устойчивой негативной" идентификациям.

В таблице 4 можно увидеть содержательные различия между Мы-определениями, указывающими на отсутствие межгрупповых барьеров, и Я-определениями, обозначающими групповое членство индивидов. Именно сквозь призму Я-идентификаций видна асимметрия намечающихся межклассовых разломов. В обеих странах бизнес-сообщество скорее, чем общность наемного труда, найдет понимание среди тех, кто считает себя предпринимателем, обеспеченным человеком и/или интеллигентом; минимальные шансы найти понимание среди считающих себя пенсионерами и бедными. Это вполне естественно в отношении предпринимателей и интуитивно понятно в отношении обеспеченных и бедных людей.

Что касается представителей интеллигенции, то и в России, и в Польше, по-видимому, отразилась произошедшая при переходе к рынку смена "парадигмы мышления и поведения высокообразованного человека", приведшая к "угасанию в Восточной Европе духовной парадигмы общества доиндустриального, традиционного типа" из-за резкого ухудшения социального положения специалистов, финансировавшихся из государственного бюджета. В результате "прагматизации сознания" наиболее гибкая часть традиционной интеллигенции трансформировалась в "разновидность типичного для западного общества класса людей знания", в профессиональную группу высокооплачиваемых экспертов и специалистов⁶. С прагматической точки зрения, указанные процессы вполне соответствуют задаче "культурной революции" по формированию экономического человека — по замене в общественном сознании ориентаций с равенства и коллективизма на свободу и индивидуализм. Именно эта задача встала перед странами Центральной и Восточной Европы в начале второй Великой трансформации 1990-х, поскольку послевоенная (первая Великая) трансформация создала материально-экономическую базу и социальную основу индустриального общества, но законсервировала господство "нематериалистически ориентированных ценностей доиндустриального общества. Одновременно успех понимаемой таким образом культурной революции привел к переориентации населения посткоммунистических стран с ценностей самовыражения на ценности выживания (в терминологии Р. Инглхарта).

Есть и межстрановые различия. В России профессиональные (представитель своей профессии) и корпоративные (работник предприятия / учреждения) Я-определения положительно коррелируют с обеими классовыми идентификациями. В Польше дело обстоит иначе: если "профессионалы" тяготеют только к бизнесу, то идентифицирующие себя с корпорацией солидаризируются только с наемным трудом.

Для интерпретации этого различия можно обратиться к сетевой теории предпринимательства Р. Берта, согласно которой "предпринимательство представляет собой объединение одним индивидом двух не связанных между собой фрагментов его сети" [13]. То есть, предприниматель — это прежде всего не профессия, а умение извлекать бонусы из "сетевых пустот". С этой точки зрения за солидарностью профессионалов с бизнесом можно видеть симбиотический, взаимовыгодный союз. Солидарность же с наемным трудом ощутимых выгод не дает, поскольку высокая квалификация профессионала позволяет индивидуально ис-

⁶ Сходство настроений "проигравших от реформ" слоев российской и польской интеллигенции можно видеть в следующей фразе: "Не что иное, как традиционные ценности, исповедовавшиеся восточноевропейской интеллигенцией, были движущей силой "бархатной" революции. Трагизм этой революции, как и судьба ее участников, заключается в том, что ценности и идеалы ноября 1989 г. оказались несовместимы с "посленоябрьской" реальностью".

кать свои шансы на внешнем рынке труда; эти шансы выше, когда бизнес испытывает подъем.

Самоопределение *работник предприятия* связано с лояльностью конкретной хозяйственной организации. Стоящая за ней определенность жизненных шансов сообщается не столько ценностью профессионального статуса на внешнем рынке труда, сколько привилегиями, завоеванными или положенными внутри корпорации. В условиях раздаточной экономики советского типа тесная связь с предприятием работников особенно низкого профессионального статуса трактовалась как проявление сословного, корпоративного характера общества. Предоставлявшийся предприятиями (в зависимости от размера и отраслевой принадлежности) набор социальных привилегий зачастую сильнее определял образ и уровень жизни работников, чем их профессионально-квалификационные характеристики.

По данным опроса руководителей 300 предприятий из различных отраслей и регионов России, в проведении политики оплаты труда "подавляющее большинство менеджеров российских промышленных предприятий обладают дискреционной властью, близкой к абсолютной, и в принципе могут назначать и корректировать заработную плату по своему усмотрению, без предварительного согласования с другими участниками" — профсоюзами, трудовым коллективом, отдельными группами работников и др. При этом "важнейшей детерминантой уровня оплаты труда выступали *результаты экономической деятельности отдельных предприятий*", а не совокупным спросом и совокупным предложением труда. Фактически российский бизнес выполнял завет: "прибылью надо делиться" [14].

В Польше характеристики предприятия существенно влияли на социальный статус работника. В частности, у рабочих на государственных предприятиях уровень заработной платы и гарантии от безработицы были выше. На частных предприятиях уровень зарплаты существенно зависел от ряда факторов: от размера предприятия, его экономического положения и технической оснащенности. Оплата труда была выше на предприятиях с иностранным собственником и на предприятиях, созданных с нуля "новыми" капиталистами. Существенное влияние на доходы работников оказывали сильные профсоюзные организации предприятий, а также заключение коллективного трудового договора, предусматривающего обязательства перед рабочими. В отдельную категорию выделялись малые частные предприятия, работавшие "на границе с серой зоной", где наемный персонал испытывал на себе неограниченную авторитарную власть работодателя [15]. Это объясняет то, что польские "работники предприятия" предпочли солидаризироваться с наемным трудом, а не с бизнесом. Там, где работник испытывал на себе авторитарную власть работодателя, идентификация с корпорацией — добровольное включение себя в члены корпорации — могла ослабевать.

Если вернуться к российским данным, свидетельствующим о готовности "профессионалов" идентифицироваться и с бизнесом, и с наемным трудом, то следует вспомнить, что как "первичный элемент социальной структуры" *неклассовых обществ советского типа* социально-профессиональные группы "все в меньшей степени выступали как внутриклассовые группы и все в большей мере как непосредственно внутриобщественные группы — слои". Вместе с тем в исследовании "старых структур" постсоветских обществ принципиально важно отличать социально-профессиональное от *собственно слоевого* измерения. Если профессиональная структура включает "особенности характера труда, квалификационно-образовательные и профессионально-отраслевые качества работников, то слоевая формировалась с учетом социального капитала и доступа к властным

ресурсам [16]. Поэтому, хотя содержательно самоотнесение к профессиональному сообществу предполагает (в отличие от идентификации с предприятием и коллегами) обладание образовательными и квалификационными ресурсами, позволяющими входить в обезличенные отношения, возможности интерпретировать данные о профессиональной самоидентификации не следует преувеличивать. В "старой экономике" России статус по-прежнему определяется не профессией (квалификацией и денежными доходами от профессиональной занятости), а близостью к власти⁷. Правда, в народной Польше тоже успел сформироваться "специфический тип "командной" сегментации рынка труда с уникальной моделью распределения доходов и прочих благ". Однако Х. Доманьский утверждает, что к концу 1990-х годов влияние этой сегментации уменьшилось и в госсекторе проявляется лишь остаточное "сопротивление однажды консолидированной структуры" [18].

И еще два отличия России от Польши. Во-первых, российская молодежь с большей готовностью солидаризировалась с бизнес-сообществом, обещающим перспективу господствующих позиций на рынке труда за счет приобретаемого в учебе человеческого капитала. В этой готовности, в соответствии с теорией социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера, угадывается ориентация на индивидуальную восходящую мобильность, которой сопутствует ослабление групповой солидарности [19]. Польская молодежь такой готовности не продемонстрировала.

Во-вторых, поскольку дистанцию от бизнеса определенно обозначили только российские крестьяне, можно предположить, что в Польше они занимают менее маргинальное положение — испытывают меньшую депривацию по доходам и по общественному признанию.

Стратификационная идентификация — общность достатка

Стратификационный подход в известном смысле противостоит социально-классовому, однако оба они, в свою очередь, противостоят новейшим трактовкам, согласно которым вместе с концом классов (а также труда и производства) почил и вся социальная структура. В качестве альтернативы социально-структурному "детерминизму" активно предлагаются культуральные интерпретации, согласно которым (пост)современные процессы дифференциации имеют преимущественно или исключительно символическую природу⁸.

Действительно социально-структурные характеристики не имеют тотальной объяснительной силы. Хотя в обеих странах занятое население оказалось более чувствительным к социально-классовой и социально-профессиональной разметке, чем незанятое (табл. 5), статус занятости никак не отразился на распространенности стратификационной идентификации. Это может означать, что "базиллой" экономического мышления оказались заражены в одинаковой степени и активные труженики, и те, кто к таковым не относится. Действенность проникнове-

⁷ В.И. Ильин предостерегает от смешения этих двух структур. Если на Западе их отождествление не ведет к "большим эмпирическим погрешностям", то в России "профессиональная и классовая структуры — это совершенно разные сущности. Представители одной и той же профессии могут относиться и к конторскому пролетариату, и к новому среднему классу, поскольку ситуация на рынке труда сильно колеблется и во времени, и в физическом пространстве (столица — провинция, город — деревня), существенны колебания даже внутри одного города" [17].

⁸ Авторы культуральных трактовок, по-видимому, избегают формальных (не содержательных) сопоставлений между идеологией и культурой, стилем, культурными практиками и т.п.

ния экономического мышления особенно сложно переоценить, имея в виду, что это единственный из рассматриваемых здесь параметров, который оказался независимым от статуса занятости.

Эти результаты согласуются с выводом о том, что в российском обществе материальное благосостояние уже к середине 1990-х гг. стало важнейшим критерием стратификации. Н.Е. Тихонова подчеркивает, что "особую убедительность этому выводу придает то, что все исследователи, отмечающие роль материального благосостояния среди критериев стратификации, анализировали социальную стратификацию как многомерный процесс и измеряли характеристики различных видов ресурсов, находящихся в распоряжении социальных групп и отдельных индивидов" [20, с. 39].

Примечательно, что Л.А. Хахулина, рассматривая на материале регулярных опросов ВЦИОМа 1990-х годов динамику самоопределений на социальной лестнице по 10-балльной шкале, отмечала: "Если в 1991 г. более 1/3 опрошенных затруднялись отнести себя к какому-либо слою или вообще отрицали наличие в обществе такого деления, то уже к 1996 г. самоидентификация с данными социальными категориями для подавляющего большинства не встречает затруднений... Это является свидетельством того, что новая идентификационная система все больше укореняется в массовом сознании..." [21].

Распространение стратификационного мышления в массовом сознании логично объяснять интенсивной имущественной дифференциацией, о которой в последние годы, кажется, не писали только совсем не пишущие. Наиболее значимым следствием этой дифференциации для массового сознания стал лавинообразный рост неудовлетворенности своим материальным положением, что отразилось и в анализируемых данных. Сопоставимый уровень устойчивой идентификации с бедными в России (34% среди занятых и 49% среди незанятых) и в Польше (31% среди занятых и 40% среди незанятых) при более высоком уровне идентификации по достатку (79–80% в России и 53–55% в Польше) может свидетельствовать о том, что в России имущественная дифференциация ощущается острее. Таким образом, несмотря на то, что теоретический анализ социальной структуры трансформирующихся обществ обнаруживает формирование антагонистических экономических классов в узком смысле этого термина, для населения первостепенную значимость имеет имущественная дифференциация. *Население и в России, и в Польше не достигло классовой зрелости и находится на стадии осмысления своего положения в экономических терминах.*

Если из всех социально-структурных измерений параметр материального благосостояния действительно стал наиболее значимым, то логично исследовать

Таблица 5.

Устойчивая идентификация среди категорий занятости, %

Устойчивая идентификация с	Россия		Польша	
	Занятые	Незанятые	Занятые	Незанятые
людьми того же достатка	79,2	80,0	53,5	54,8
коллегами по работе	79,8*	42,5*	58,4*	30,3*
представителями профессии	76,5*	51,6*	52,7*	32,4*
наемными работниками	46,7*	29,7*	24,1*	17,2*
частными предпринимателями	37,8*	22,6*	13,3*	6,2*
бедными	33,8*	48,7*	30,5*	40,0*

* значимость различий между занятыми и незанятыми по χ^2 при $p \leq 0,01$.

взаимосвязь между оценкой своего материального благосостояния и готовностью идентифицировать себя с разными общностями (табл. 6). Поскольку выше мы установили, что статус занятости почти всегда влияет на идентификационные выборы, этот параметр мы также будем учитывать.

Идентификация с наемными работниками. На идентификацию занятых с наемными работниками уровень дохода не оказывает заметного влияния. Если какая-то связь и может быть замечена в польской выборке, она не носит линейного характера. Несколько иначе обстоит дело у незанятого населения обеих стран, где с ростом доходов отмечается усиление (особенно в России) идентификации с наемными работниками. Этому обстоятельству можно предложить два взаимно не исключающих объяснения: идентификация усиливается либо за счет нерегулярных выходов на рынок труда, обеспечивающих, несмотря на нерегулярность, относительно высокие доходы; либо общность с наемными работниками актуализируется опосредованно, через солидаризацию с работающими членами семьи, наличие которых и обуславливает более высокую самооценку материального положения.

Идентификация с бизнесом. Что касается идентификации с частными предпринимателями, то здесь, по-видимому, можно говорить о линейной связи. Чем выше доход, тем сильнее выражена готовность идентифицироваться с бизнесом. Это верно как для занятого, так и незанятого населения обеих стран, причем в России эта закономерность проявилась более отчетливо. В данном измерении

Таблица 6.

Устойчивая идентификация среди доходных групп занятого и незанятого населения в России и Польши, %

Категории занятости	Россия				Польша			
	Уровень материальной обеспеченности							
	очень низкий	низкий	средний	высокий и очень высокий	очень низкий	низкий	средний	высокий и очень высокий
Устойчивая идентификация с наемными работниками								
Занятые	45,9	48,7	46,2	45,1	23,4	14,1	29,7	20,9
Незанятые	26,1	31,9	32,3	37,5	15,8	13,9	19,0	18,4
Устойчивая идентификация с частными предпринимателями								
Занятые	21,7	30,5	46,5	63,4	6,3	10,9	14,4	16,3
Незанятые	16,3	19,7	35,5	57,5	4,8	5,9	4,0	13,6
Устойчивая идентификация с представителями одной профессии								
Занятые	74,5	77,3	74,2	85,4	51,6	48,4	53,8	53,5
Незанятые	45,4	51,9	58,1	82,5	26,7	30,7	34,3	38,8
Устойчивая идентификация с коллегами по работе								
Занятые	77,1	79,9	80,7	82,9	45,3	48,4	61,0	65,9
Незанятые	35,0	42,3	54,0	72,5	20,0	31,7	30,2	45,6
Устойчивая идентификация с людьми того же достатка								
Занятые	80,9	79,6	76,4	86,6	60,9	48,4	55,4	49,6
Незанятые	84,4	77,1	78,2	75,0	52,1	41,6	59,7	60,2
Устойчивая идентификация с бедными								
Занятые	42,7	36,1	29,1	24,4	46,9	37,5	30,8	18,6
Незанятые	54,3	51,0	33,1	35,0	53,9	37,6	36,3	29,1

предпринимательский класс, по-видимому, выступает референтной группой. М.Ф. Черныш, анализируя данные национального опроса начала 1990-х гг., приводит типологически сходное наблюдение: "Руководители в условиях тоталитаризма, да и в посттоталитарном обществе обладают достаточно высоким статусом. Это подтверждается тем, что весьма значительная часть населения, не занимая какого-либо руководящего поста, относит себя к категории управленцев. Для них руководители — референтная группа" [22]. Сходство заключается в том, что выбор высокостатусной группы в качестве референтной может рассматриваться как прагматическая "стратегия поиска привилегированной позиции в распределении благ" [23].

Профессиональная и корпоративная идентификация. В принадлежности к общности с коллегами по работе подчеркивается ориентированность на межличностный характер отношений, на неформальную структуру формального объединения, входящего в более обширную хозяйственную организацию.

В обеих странах идентификация с профессиональным сообществом и коллегами по работе играет существенную роль, однако можно отметить некоторые различия по позиции относительно рынка труда. Интенсивность профессиональной идентификации среди работающего населения и уровень благосостояния совершенно не связаны между собой в Польше и не сильно связаны в России. Иная картина наблюдается среди незанятого населения, где интенсивность профессиональной идентификации неуклонно растет вместе с уровнем благосостояния в обеих странах.

Почти прямо противоположная картина наблюдается в данных об идентификации с коллегами по работе. Среди занятого населения России положительная связь между идентификацией и уровнем благосостояния наблюдается только при переходе от дохода не выше среднего к высоким и очень высоким доходам. В Польше эта связь более явная: чем выше доход, тем чаще люди заявляли об устойчивой идентификации с первичным трудовым коллективом. Если придерживаться тезиса об изоморфности объективных и субъективных (самоощущений) параметров стратификации⁹, то можно сделать вывод о том, что в Польше более сильное влияние на уровень доходов оказывает корпоративная принадлежность по сравнению с профессиональной. Если так, то правомерна гипотеза: в результате произошедших трансформаций польский рынок труда не стал более открытым для межкорпоративного выравнивания в уровне оплаты труда.

Среди незанятых в обеих странах распространенность устойчивой идентификации с коллегами по работе ширилась вместе с ростом доходов, причем разница между крайними доходными группами оказалась двукратной. По-видимому, основной вклад в эту взаимосвязь внесли ответы учащихся (которые могли иметь в виду соучеников) и безработных (временно не работающих), для которых идентификация с общностями труда имеет практический смысл, так как она повышает шансы устройства на работу.

Характерно, что в идентификации с людьми одного достатка размер дохода не является однозначно дифференцирующим фактором. В этом можно видеть еще одно свидетельство тотального распространения экономического мышления.

Совершенно иначе обстоит дело с другим параметром достатка: с бедными в

⁹ Н.Е. Тихонова подчеркивает, что решающую роль материальное положение играет "в определении как объективного, так и субъективно воспринимаемого социального статуса в современной России", поскольку "самоощущение самого населения" совпадает со статистическими данными [20, с. 30].

обеих странах ожидаемо чаще идентифицировались менее обеспеченные и неза-
нятые.

Подведем итоги. Межстрановое сравнение распространенности социально-
структурных идентификаций не обнаружило никаких различий, которые можно
было бы назвать принципиальными. При этом сходств оказалось гораздо больше,
чем можно было бы ожидать. Это наводит на мысль о том, что границы "другой
Европы" простираются в западном направлении несколько дальше, чем это допу-
скает текущий политический дизайн. Мысль эта кому-то может показаться ком-
фортной, а кому-то возмутительной. Вместе с тем она вполне согласуется с ос-
нованным на статистических данных утверждением о том, что "восточная часть
европейского континента и в середине XX в. оставалась экономической перифе-
рией ее западной части. За исключением Чешских земель страны, вступившие
на путь форсированной индустриализации по советскому образцу, составляли
регион сельского типа с высоким аграрным перенаселением и низкими показа-
телями грамотности". Польша находилась на "начальной стадии промышленного
развития".

В обеих странах Мы-идентификация с бизнесом и общностями труда (коллега-
ми по работе, по профессии и наемными работниками в целом), а также страти-
фикационное самоопределение (люди того же достатка) положительно связаны с
готовностью, если не разделять, то понимать интересы обеих социально-классо-
вых групп, находящихся в структурной оппозиции. Объективистская антагонисти-
ческая картина классового мира массовым сознанием в российском обществе
была не востребована; в отношении Польши свидетельств обратного также обна-
ружено не было.

Если связывать рассмотренные показатели с индексом благоприятного отно-
шения общества к предпринимательству, то в России он выше, чем в Польше, по-
скольку в Польше зафиксирована большая распространенность барьера между
населением и бизнесом.

В целом, в обеих странах имеет место маргинализация социальных статусов:
чувство солидарности в группах работников наемного труда, крупных бизнесме-
нов и мелких предпринимателей не сложилось. Интерпретировать это обстоя-
тельство можно по-разному: можно видеть в нем либо свидетельство незавер-
шенности трансформации в общество принципиально нового типа с конкурентной
экономикой, либо конец классовой идеологии, либо кризис форм репрезентации
классовых интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Melucci A. The New Social Movements: A Theoretical Approach // Social Science Information. 1980. Vol. 19. P. 199–226; Offe C. New Social Movements: Challenging Boundaries of Institutional Politics // Social Research. 1995. Vol. 52. P. 817–68; New Social Movements: From Ideology to Identity / Ed. by E. Larana et al. Philadelphia, 1994. P. 7.
2. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс: Двусмысленные идентичности. М., 2003. С. 205–206.
3. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформаций. М. 2004. С. 148–149.
4. Данилова Е.Н. Через призму социальных идентификаций (Сравнительное исследование жителей России и Польши) // Россия реформирующаяся: Ежегодник–2004 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2004. С. 221–223.
5. Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М., 2002. С. 58, 60.
6. Радаев В.В. Экономическая социология. М., 1997.

7. Ленски Г. Статусная кристаллизация: Невертикальное измерение социального статуса / Пер. с англ. А.Н. Болтавина // Социолог. журнал. 2003. № 4. С. 128–130.

8. Черкашина Т.Ю. Экономическая самоидентификация супругов в российских семьях // Социальная идентичность: Способы концептуализации и измерения / Отв. ред. О.А. Оберемко, Л.Н. Ожигова. Краснодар, 2004. С. 252.

9. Саблина С.Г. Статусные рассогласования: Методология анализа и практика исследований. Новосибирск, 2002. С. 51–52.

10. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 29.

11. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Неустойчивая социальная идентичность становится нормой // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения. Краснодар, 2004. С. 13–14.

12. Беляева Л. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М., 2001. С.4.

13. Сведберг Р. Новая экономическая социология: Что сделано и что впереди? // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М., 2004. С. 118.

14. Капелюшников Р.И. Механизмы формирования заработной платы в российской промышленности. М., 2003. С. 5, 10, 21.

15. Poland: International Economic Report 2000/2001. Warsaw, 2001. P. 162–163.

16. Шкаратан О.И. Российский порядок: Вектор перемен. М., 2004. С. 74–75.

17. Ильин В.И. Методологические проблемы анализа классовой структуры // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 269–270.

18. Доманьский Х. Появление в Польше меритократии // Социолог. исслед. 2002. № 6. С. 43.

19. Ellemers N., Spears R., Doosje B. Sticking Together or Falling Apart: Group Identification as a Psychological Determinant of Group Commitment versus Individual Mobility // Journal of Personal and Social Psychology. 1997. Vol. 72. P. 123–140.

20. Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999.

21. Хахулина Л.А. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2. С. 25–26.

22. Черныш М.Ф. Власть и социальная структура // Социальная структура и социальная стратификация М., 1992. С. 26.

23. Рихард А., Внук-Липиньский Э. Источники политической стабильности и нестабильности в Польше // Социолог. исслед. 2002. № 6. С. 62.

On the basis of public opinion polls in Poland and Russia, the author compares people's subjective feelings of closeness to various social layers and classes.

ШКОЛА ЖИЗНИ: РАБОТА И УЧЕБА СТУДЕНТОВ

"Не для школы, а для жизни мы учимся" — это крылатое латинское выражение в последнее время становится особенно актуальным. Многие российские студенты совмещают учебу с работой: молодые люди не только желают улучшить свое материальное положение, но и стремятся как можно раньше начать профессиональную карьеру, дабы к концу обучения, благодаря приобретенному практическому опыту и трудовому стажу, оказаться в числе востребованных специалистов.

Подтверждением тому служит исследование Института системного анализа социальных проблем мегаполисов и Российского центра содействия молодежному предпринимательству, посвященное временной занятости учащихся вузов. Опрос проводился в 2005 г. по репрезентативной выборке в 25 городах России.

Временная занятость

В ходе исследования выяснялись причины, по которым студенты ищут заработок в период учебы; определялись показатели, позволяющие судить об уровне